

Полковник Шабер

Автор:

Оноре Бальзак

Полковник Шабер

Оноре де Бальзак

Человеческая комедия

Быть похороненным дважды и все равно остаться живым. Родиться в приюте для подкидышей, умереть в богадельне для престарелых, а в промежутке меж этими рубежами помогать Наполеону покорить Европу и Египет – что за судьба! судьба полковника Шабера.

Оноре де Бальзак

Полковник Шабер

– Смотрите-ка, кто идет! Опять эта старая шинель к нам пожаловала!

Восклицание это вырвалось у юного писца из породы тех, кого в адвокатских конторах обычно зовут мальчишками на побегушках; он стоял, опершись о подоконник, и с аппетитом уплетал кусок хлеба; отщипнув немножко мякиша, насмешник скатал шарик и швырнул его в форточку. Пущенный меткой рукой, шарик подскочил почти до самой оконницы, стукнувшись предварительно о шляпу какого-то незнакомца, который пересекал двор дома по улице Вивьен, где проживал поверенный по делам г-н Дервиль.

– Хватит, Симонен, перестаньте дурачиться, а то я выставлю вас за дверь. Любой, самый бедный клиент, черт побери, прежде всего человек, – сказал писмоводитель, отрываясь от составления счета по судебным издержкам.

Обычно мальчик на побегушках – и Симонен не был исключением из общего правила – это юнец тринадцати – четырнадцати лет, который состоит в личном распоряжении письмоводителя и, бегая с повестками по судебным приставам и с прошениями в суд, выполняет частные поручения своего шефа и разносит также его любовные записки. Повадки у него – как у всех парижских мальчишек, а его участь – участь судейских щелкоперов. Такой юнец обычно не знает ни жалости, ни удержу, он неслух, пересмешник, сочинитель куплетов, выжига, лентяй. И все же почти у каждого такого малолетнего писца где-нибудь на шестом этаже есть старушка-мать, с которой он делит тридцать или сорок франков – все свое месячное содержание.

– А раз он человек, так почему же вы прозвали его старой шинелью? – спросил Симонен с невинным видом школьника, подловившего учителя на ошибке.

И он вновь принялся за хлеб с сыром, прислонившись плечом к косяку окна, ибо, подобно почтовым лошадям, привык отдыхать стоя; и сейчас он стоял, согнув в коленке левую ногу и слегка опершись носком правого башмака.

– Какую бы шутку сыграть нам с этим чучелом? – вполголоса произнес Годешаль, третий писец, прервав ход доказательств, из коих рождалось прошение, которое он диктовал четвертому писцу, меж тем как два новичка-провинциала тут же изготавливали копии.

Затем он возобновил свою импровизацию:

– ...но по великой и многомудрой милости своей его величество король Людовик Восемнадцатый (последнее слово полностью, слышите вы, Дерош, мудрый чистописатель!), взяв в свои руки бразды правления, постиг (а ну-ка, что он там такое постиг, этот жирный шут?) высокую миссию, к выполнению коей был он призван божественным промыслом!..... (знак восклицательный и шесть точек – не бойтесь, судейские святоши возражать не станут!). И первой заботой его явилось, что и следует из даты упоминаемого ниже ордонанса, уврачевать раны, причиненные ужасными и прискорбными бедствиями революционного времени, восстановив верных и многочисленных слуг своих (многочисленных – это должно польстить в суде!) во владении всем непроданным их имуществом, буде оно находилось в общественном пользовании, в обычном или чрезвычайном владении казны, буде, наконец, в дарственном владении общественных учреждений, ибо мы с полным на то основанием утверждаем, что именно таков

смысл и дух прославленного и справедливого ордонанса, изданного в... Стойте-ка, – воскликнул Годешаль, обращаясь к писцам, – эта треклятая фраза расплзлась на всю страницу! Так вот что, – продолжал он, проводя языком по корешку тетради, чтобы разнять склеенные листы толстой гербовой бумаги, – если вам хочется сыграть с ним шутку, давайте скажем, что наш патрон принимает посетителей только от двух до трех часов утра. Посмотрим, приплетется ли тогда еще раз эта старая шельма! – И Годешаль вернулся к начатой фразе: – ...изданного в... Готово? – спросил он.

– Готово! – откликнулись хором писцы.

Все – диктовка, болтовня и заговор – шло одновременно.

– ...изданного в... Папаша Букар, каким же числом датирован этот ордонанс? Надо поставить точки над «і», канальство! Всё лишние страницы набегут!

– Канальство... – повторил один из писцов, прежде чем письмоводитель Букар успел ответить.

– Как, вы написали «канальство»?! – воскликнул Годешаль, бросив на новичка уничтожающий и в то же время насмешливый взгляд.

– Ну да, – ответил Дерош, четвертый писец, наклонившись над копией своего соседа. – Он написал: «Надо поставить точки над і» и «канальство» через два «н».

Все писцы разразились громким смехом.

– Значит, вы, господин Гюре, полагаете, что канальство – термин юридический, и еще имеете смелость утверждать, что вы родом из Мортани! – ввернул Симонен.

– Подчистите эту фразу, да хорошенько, – сказал письмоводитель. – Ежели член суда, облагающий пошлиной акты, заметит эти штуки, он решит, что мы не уважаем его бумагомарательства. Из-за вас, чего доброго, у патрона могут быть неприятности. Прошу вас, господин Гюре, впредь таких глупостей не писать. Нормандец обязан думать, когда он составляет прошения. Это,

так сказать, альфа и омега нашего сословия.

– ...изданного в... в?.. – переспросил Годешаль. – Скажите же наконец, когда, Букар!

– В июне месяце 1814 года, – ответил письмоводитель, не отрываясь от своих бумаг.

Стук в дверь прервал на полуслове диктовку многословного прошения. Все пятеро писцов, крепкозубые, с блестящими насмешливыми глазами, подняли всклокоченные головы, обернулись к дверям и воскликнули нараспев:

– Войдите!

Один Букар продолжал спокойно сидеть, склонившись над грудой дел, именуемых на судейском жаргоне «мелочью», и составлял бесконечные счета по судебным издержкам.

Контора представляла собой просторную комнату со старинной печью – неизбежным украшением любого вертепа крючкотворства. Трубы, пересекавшие комнату по диагонали, сходились у заколоченного камина, на мраморной доске которого лежали куски хлеба, треугольные сырки бри, свиные котлеты, стояли стаканы, бутылки, чашка шоколада, предназначавшаяся для старшего письмоводителя. Ароматы пищи так основательно смешивались с чадом от жарко натопленной печки, с непередаваемым запахом, свойственным адвокатским конторам и залежавшимся бумагам, что даже зловоние лисьей норы было бы здесь нечувствительным. На полу, там, где наследили писцы, расплылись грязные лужицы подтаявшего снега. Возле окна стояло бюро с выпуклой поднимающейся крышкой, за которым восседал сам письмоводитель. К бюро был приставлен небольшой столик для его помощника. Помощник сейчас как раз «занимался судом». Было примерно восемь – девять часов утра. Единственное украшение комнаты составляли огромные желтые афиши, извещавшие о наложении ареста на недвижимое имущество, об аукционах при распродаже наследства, окончательных и предварительных судебных решениях – словом, все славные трофеи юридических контор. За спиной старшего письмоводителя стоял большой, во всю стену, шкаф; полки его были битком набиты связками бумаг, с которых сотнями свисали ярлычки и кончики красных шнурков – своеобразное отличие судейских документов. На нижних

полках шкафа хранились пожелтевшие от времени папки, оклеенные по корешку синей бумагой, на которых можно было прочесть фамилии крупных клиентов, чьи лакомые дела «обстряпывались» в конторе. Грязные оконные стекла скупо пропускали дневной свет. Впрочем, в Париже вряд ли найдется контора, где можно писать без лампы февральским ранним утром, ибо все подобные места находятся в небрежении, что впрочем вполне понятно. Сюда заходят десятки людей, но ни один не задерживается здесь: банальное не привлекает ничего внимания. Ни сам поверенный, ни его клиенты, ни его писцы не дорожат благообразием помещения, которое для одних – классная комната, для других – проходной двор, для хозяина – кухня. Засаленную мебель передают из одних рук в другие с такой благоговейной щепетильностью, что в некоторых конторах и поныне еще можно обнаружить корзинки для бумаг и особые мешки с завязками, восходящие еще ко временам прокуроров при «Шле» – так сокращенно называлось «Шатле», что обозначало при старом режиме суд первой инстанции.

Как и все адвокатские конторы, эта полутемная, покрытая слоем жирной пыли комната, внушавшая посетителям отвращение, принадлежала к самым гнусным уродствам Парижа. Правда, существуют в Париже такие клоаки поэзии, как промозглая церковная ризница, где молитвы отсчитывают и продают, будто бакалейный товар, да лавчонка перекупщицы, где развешанное у входа тряпье умерщвляет все наши иллюзии жизни, показывая человеку, чем кончаются его радости, – но если не считать их, этих двух клоак, контора стряпчего – самое мерзкое из всех мест социального торга. Недалеко от них ушли игорные дома, суды, лотереи, злачные места. Почему? Быть может, потому, что драмы, разыгрывающиеся в душе человека, посетителя таких мест, делают его невосприимчивым к внешнему; этим же объясняется, быть может, невзыскательность великих умов и великих честолюбцев.

– Где мой ножик?

– Я завтракаю!

– Эх, черт, посадил на прошение кляксу!

– Тише, господа!

Все эти восклицания раздались как раз в ту самую минуту, когда старый посетитель закрыл за собой дверь с той смиренной робостью, которая сковывает движения людей обездоленных. Незнакомец попытался было улыбнуться, но он тщетно искал хоть проблеска приветия на неумолимо безмятежных физиономиях писцов, и улыбка сбежала с его лица. Умея, должно быть, неплохо разбираться в людях, он с отменной вежливостью обратился к Симонену в надежде, что хоть этот юнец сообразит ему ответить.

– Могу я, сударь, увидеть вашего патрона?

Шалун ничего не ответил несчастному старику и только легонько постучал пальцами возле уха, как бы говоря: «Я глухой!»

– Что вам угодно, сударь? – спросил Годешаль, проглотив огромный кусок хлеба, которым можно было бы зарядить пушку, затем поиграл ножичком и закинул ногу на ногу так, что одна нога у него взлетела чуть ли не вровень с носом.

– Я прихожу сюда, сударь, в пятый раз, – ответил посетитель. – Мне хотелось бы переговорить с господином Дервилем.

– У вас к нему дело?

– Да, но я могу изложить его только самому господину...

– Патрон спит. Если вы хотите посоветоваться с ним по поводу каких-нибудь затруднений, приходите после полуночи, он только тогда всерьез принимается за работу. Но ежели вы пожелаете посвятить нас в ваше дело, мы поможем вам не хуже его.

Незнакомец не шелохнулся. Он смиренно и боязливо озирался вокруг, как собака, прошмыгнувшая украдкой в чужую кухню и ожидающая пинка. Одно из преимуществ профессии писца состоит в том, что ему не приходится опасаться воров; поэтому писцы г-на Дервиля не заподозрили ни в чем дурном человека в шинели и не мешали ему обзреть помещение, в котором он тщетно искал, куда бы присесть, так как, видимо, был сильно утомлен. В конторе стряпчего умышленно не ставят лишних стульев. Пусть какой-нибудь клиент попроще, устав от долгого стояния, и поворчит, уходя из конторы, зато он не отнимет лишнего времени, которое, по выражению одного бывшего

прокурора, еще до сих пор не «таксировано».

– Сударь, – ответил старик, – я уже имел честь предварить вас, что могу изложить свое дело только самому господину поверенному. Я подожду, когда он проснется.

Букар закончил свои подсчеты. Привлеченный запахом шоколада, он встал с плетеного кресла, подошел к камину, смерил старика взглядом и, присмотревшись к его поношенной шинели, состроил неопишваемую гримасу. Должно быть, он увидел, что, как ни жми этого клиента, из него не выжмешь ни сантима, и, желая избавить контору от невыгодного посетителя, решил вмешаться и положить конец разговору.

– Они сказали вам правду. Патрон работает только по ночам. Если у вас важное дело, советую зайти к нему в час ночи.

Старик растерянно взглянул на письмоводителя и, казалось, застыл на месте. Привычные к прихотливой игре человеческих физиономий, к странным повадкам клиентов, в большинстве своем людей нерешительных и тяжелодумов, писцы забыли про старика и продолжали завтракать, шумно, как лошади, перемалывая челюстями пищу.

– Что ж, сударь, я зайду нынче вечером, – произнес старик, который с настойчивостью, присущей всем несчастным, хотел вывести лжецов на чистую воду.

Единственный вид мщения, доступный обездоленным, – поймать правосудие и благотворительность на недостойных увертках. Изобличив несправедное общество, бедняк спешит обратиться к богу.

– Ну и упрямая же башка! – воскликнул Симонен, не дожидаясь, когда за стариком захлопнется дверь.

– Его как будто из могилы вырыли, – вставил один из писцов.

– Вероятно, это какой-нибудь бывший полковник, хлопчет о пенсии, – сказал письмоводитель.

- Ничего подобного, он просто бывший привратник, - возразил Годешаль.

- Хотите пари, что он из благородных? - воскликнул Букар.

- Бьюсь об заклад, что швейцар, - заявил Годешаль. - Одни только отставные швейцары самой природой предназначены носить такие потрепанные, засаленные шинели с разодранными полами. Видели, какие у этого старика стоптанные, дырявые сапоги? А галстук? Галстук у него вместо рубашки. Да он наверняка под мостами ночует.

- Можно быть дворянином и отворять двери жильцам, - воскликнул Дерош. - Случается ведь!

- Нет, - возразил Букар среди дружного смеха, - бьюсь об заклад, что в тысяча семьсот восемьдесят девятом году он был пивоваром, а при Республике - полковником.

- Что ж, если он когда-нибудь был военным, я проиграл пари и поведу вас всех на какое-нибудь представление.

- Ладно, - ответил Букар.

- Сударь, сударь! - закричал юный Симонен, распахивая окошко.

- Что ты там опять затеял, Симонен? - спросил Букар.

- Я позвал его, чтобы спросить, полковник он или привратник. Пускай сам скажет.

Писцы так и покатались со смеху. Тем временем старик уже поднимался по лестнице.

- А что мы ему скажем? - воскликнул Годешаль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/onore-balzak/polkovnik-shaber-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)